

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

И.В. Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 304 с.

Енисейские эпитафии – единственный письменный аутентичный источник сведений о жизни тюркских народов Саяно-Алтая, однако с одним общим изъяном: все надписи весьма лаконичны и не датированы. Пошло второе столетие со дня дешифровки тюркской рунической письменности в 1893 г., и исполнилось 270 лет со времени первой публикации курганных стел с надписями из Сибири в 1729 г., которые до прочтения руники оставались большой загадкой для нескольких поколений ученых. Как только руника была расшифрована, В.В. Радлов первым издал в 1895 г. сорок енисейских текстов с переводом. С.Е. Малов усовершенствовал переводы В.В. Радлова и довел число опубликованных памятников до 53 [Малов 1959]. Затем последовали новые открытия и публикации памятников. Однако прошедшие годы, хотя и было сделано немало текстологических поправок, внесли немного нового в целостное понимание енисейских памятников. Правда, В.В. Радлов имел дело с 40 памятниками, а теперь их введено в оборот более 150¹, но для толкования их содержания все еще актуальны слова С.Е. Малова о том, что "сначала тюрколог-языковед, используя точно текст памятника, дает перевод, согласный с тюркскими синтаксисом и грамматикой" [Малов 1952], и только на основе этого становится возможной дальнейшая интерпретация памятника и использование его другими специалистами.

С указанным мнением лингвиста С.Е. Малова перекликается подход к источнику историка Л.Н. Гумилева: "Филологически правильный перевод – это сырье, требующее обработки ... Соотношение переводчика, комментатора и интерпретатора таково же, как заготовителя сырья, изготовителя деталей и монтажника. Ни один из них не достигнет успеха без помощи двух других. А опыты совмещения трех профессий в одном лице не давали положительных результатов даже в древности. Знание древнего языка для историка – роскошь. Ведь если он переведет текст иначе, чем филолог, ему надлежит отказаться от своего толкования. Филолог-то знает грамматику лучше ... Если за дело берется историк, то он будет неизбежно подгонять значения слов и фраз под собственную, уже имеющуюся у него концепцию, а последняя всегда предвзята" [Гумилев 1993: 126–127]. Итак, оба ученых справедливо отдают предпочтение филологически выверенному переводу специалиста-языковеда. А таких квалифицированных переводов енисейских рунических текстов как раз было выполнено за это время слишком мало, и одной из причин этого были недостаточно понятные тексты, что происходило не из некодифицированности, нестандартности языка надписей, как иногда думали ранее, а – как доказано всем материалом рецензируемой книги – из неверного палеографического прочтения довольно многих мест на памятниках.

Монография И.В. Кормушина стремится выполнить именно эти задачи, и стержнем предпринятой работы является аутопсичный (проводимый исследователем воочию, непосредственно на камне) анализ каждого знака в надписи, для чего ученому пришлось длительно работать не только в музеях Минусинска, Абакана, Кызыла, Красноярска, но и

¹ По подсчетам автора рецензируемой монографии, из 152 памятников, эпитафий – 95, из которых для текстологического анализа пригодны – имея "хотя бы одно достоверно читаемое слово" – только 85 надписей (с. 7).

выезжать "в поле", на места первоначального нахождения памятников в различных точках Хакасии и Тувы. Книга представляет собой итог почти десятилетней полевой и камеральной работы автора. В ней представлены 56 текстов, или почти все, за небольшими исключениями, известные к настоящему времени и сколько-нибудь значительные в текстовом отношении эпитафии. Вне рассмотрения автор сознательно оставил не относящиеся, по его мнению, к жанру эпитафий *наскальные посетительские надписи*, а также мелкие (в большинстве своем удовлетворительно не прочитанные) надписи на бытовых предметах: кубках, зеркалах, прясах и т.п. Фактически рецензируемая книга знаменует собой следующий после первичной публикации этап в изучении малых рунических надписей: это – новое прочтение памятника на основе личной (авторской) ревизии состава и значений (чтений) всех выявляемых знаков письма и их лингвистической интерпретации, а в конечном счете, – максимально возможная реконструкция древнего текста и его выверенный перевод с соответствующей аргументацией, в которой учитывается прежде всего опыт предшественников, а также закономерности построения текстов древнетюркских поминальных надписей, существовавшие жанровые клише, канонические выражения и т.п.

Не сторонится автор и вопросов хронологической, региональной и этнической атрибуции енисейских надписей. При этом он обращает внимание на два фактора. Нахождение памятников либо в Минусинской котловине (Хакасия), либо на Саянском нагорье (Тува), – обстоятельство хотя и внешнее, проявляется оно тем не менее в явных стилистико-выразительных отличиях текстов, происходящих из этих регионов. Этот территориальный признак, однако, коррелирует с другой показательной особенностью памятников – наличием тамги при надписи. Характерно, что две трети эпитафий из Тувы имеют тамгу (42 из 64, то есть около 65%), в то время как в Хакасии из 21 эпитафии снабжены тамгой только 4 (то есть около 20%), причем тамговые знаки из этих двух регионов не повторяют друг друга. Кроме того, на основе типовых черт тувинские тамги можно сгруппировать по ареалам, центры которых не накладываются друг на друга. Именно признак наличия/отсутствия тамги использует И.В. Кормушин для объединения издаваемых енисейских текстов, которым приписана традиционно сложившаяся в тюркологии нумерация, восходящая к первой публикации В.В. Радлова и закрепленная в трудах

С.Е. Малова. Поэтому, например, в группу тувинских надписей с тамгой типа X попадают памятники с номерами Е-12, Е-14, Е-19, Е-20, в группу надписей с тамгой "птичья лапа" – памятники с номерами Е-2, Е-51, Е-109, Е-110 и т.п.

Несмотря на то, что все енисейские памятники отражают структурно единый тип *д-языка*, этого литературного койне всего древнетюркского мира, детальный анализ их стилистовых особенностей (прежде всего на лексическом уровне) позволил автору выявить региональные (например, надписи из Хакасии показывают некоторые стилистико-выразительные отличия от тувинских) и даже ареальные (известная схожесть языковых средств в памятниках, имеющих одинаковые тамги) признаки, дополняющие, а нередко и уточняющие этническую, династическую и хронологическую атрибуцию текстов, отличную от опытов хронологизации, представленных в работах Л.Р. Кызласова [(Кызласов 1960); о датировке памятников енисейской письменности ср. [ИТСВ 1969]].

При хронологической атрибуции текстов И.В. Кормушин широко использует приемы палеографической интерпретации рунических знаков, которые были разработаны им ранее на основе анализа основных и дополнительных графов (графических элементов алфавита) и установления "датирующих" признаков в хронологическом развитии знаков письма [Кормушин 1975]. Таким образом обеспечивается комплексная характеристика эпитафии как этнокультурного явления.

Общая характеристика древнетюркского рунического алфавита и графической структуры тюркских рун содержится и в данной книге И.В. Кормушина (с. 17–24; ср. [Васильев 1983]). Выявленные закономерности участия каждого графа в конструировании знаков рунического письма позволяют прогнозировать вид буквы и ее идентификацию в случае частичной поврежденности или плохой сохранности на камне, и такой подход, несомненно, продуктивнее, чем попытка создания базы всех известных рунических знаков (аллографов) на всех памятниках и затем ее использование, так как в последнем случае не может быть учтена конкретная "среда", индивидуальный контекст употребления знака, который зависит не только от соседствующих букв, но и от расположения и направления строк, фактуры материала, манеры резчика и многих других параметров, о которых говорит автор каждый раз при анализе отдельных памятников. Важно и то, что определенная модификация графов и особенность их компоновки в графему вы-

ступают как "датирующие приметы", позволяющие выстроить относительную хронологию в развитии конкретного извода рунического алфавита и на данной основе соотнести время создания памятников, и автор часто прибегает к этому методу атрибуции памятника.

Монография И.В. Кормушина открывается Предисловием (с. 3–10), в котором излагаются общие принципы исследования енисейской руники и история работы над книгой. Далее следует Введение (с. 11–31), посвященное рассмотрению изложенных выше проблем этнической и хронологической атрибуции текстов, а также характеристике особенностей енисейского рунического письма. К интересным свойствам последнего относится, например, появление значительного числа зеркально перевернутых рун: автор считает, что такие пространственные аллографы относительно моложе стандартных. К числу новообразований енисеики принадлежат также "новые" руны типа $\otimes = d'm$, $\wedge = \xi$, $//_0 = NG$, не связанные с преобразованием старых графем, но каким-то образом введенные в алфавит. К новым относятся и явление перемены функций знака: так, лигатура NT начинает употребляться для обозначения фонемы /η/.

В последующих двух частях книги рассматриваются соответственно надписи из Хакасии (с. 32–133) и надписи из Тувы (с. 134–281): сначала – имеющие тамги, затем без тамг. Каждый раздел, посвященный определенной надписи, строится по стандартному плану. Он открывается сведениями историко-географического плана (местонахождение камня, его параметры и общая характеристика, история открытия и изучения), здесь же приводятся сведения о палеографии памятника (извод алфавита, расположение и порядок строк, сохранность, замечания о предыдущих изданиях).

Далее следует палеографический анализ рунических знаков для каждой строки. Ревизия и коррекция начертания и значения осуществляется для любого отдельного знака, который, даже предположительно – при плохой сохранности, высечен на камне. Именно в таких подразделах автор широко использует свою систему графового представления рун в целях реконструкции текста в поврежденных местах, что, судя по результатам, вполне оправдывает себя. Действительно, лингвист не просто констатирует или отождествляет отдельную графему в тексте, но прогнозирует, какую роль она играет в структуре слова, морфемы, то есть он видит ее всегда в соответствующем контексте, в значащей языковой единице,

поскольку за этим следует выполняемый им перевод текста. В этом, как представляется, состоит отличие от ситуации простого формального воспроизведения знаков текста без его параллельной интерпретации, как это получилось в последнем сводном издании; отчасти поэтому нередко обнаруживаются ошибки понимания знаков в предшествующих изданиях, даже таких авторитетных, как книги В.В. Радлова и С.Е. Малова. Сказанное подтверждается собственной практикой рецензента, тоже работавшего с енисейскими памятниками и ощущавшего в процессе общения с камнем, как возрождается из полустертых знаков почти не читаемый текст или правильные грамматические формы. Но, естественно, лучшим доказательством подобной работы с рунами является новое прочтение многих мест на енисейских памятниках, которое представлено в книге И.В. Кормушина. Оказалось, что корректировать знаки нужно почти в каждой эпитафии, даже с хорошей сохранностью и неоднократно издававшейся. Особенно интересны поправки к памятникам с Алтын-Кёля (Е-28 и Е-29), из Кёжээлиг-Хову (Е-45), из Минусинского музея (Е-51), из Хербис-Баары (Е-59), Уюк-Аржана (Е-2), Уюк-Турана (Е-3), Бай-Булуна (Е-42), Баян-Кола (Е-100); весьма важными оказались исправления в памятниках из Уюк-Оорзака (Е-109 и Е-110), поскольку эти две эпитафии связаны единством тамги и уверенно локализируются в древнетюркском ареале "Девять огдамдамов" (Уюкско-Туранская котловина на севере Тувы).

Кропотливая работа с памятниками на месте привела автора к замечательному открытию – некоторые енисейские памятники (Е-42, Е-49, Е-65) оказались настоящими палимпсестами: новый рунический текст наносился поверх уничтоженного (иногда частично) старого рунического же текста, причем знаки последнего, вклинившиеся во вторичную надпись, мешали правильному ее прочтению и пониманию. И.В. Кормушину удалось на эпитафии из Кара-Булуна (Е-65) восстановить почти две строки первичного текста, что позволило удовлетворительно интерпретировать и новую надпись (с. 141–145). Интересно, что такие камни встречаются в одном ареале, объединенном общим типом тамги; это, как полагает автор, может свидетельствовать о возможном противостоянии разных этнических (родовых) групп, появившихся в данном регионе и игнорировавших соперников. Точно так же автор предложил, как представляется, весьма обоснованно, новое фонетическое содержание для специфических енисейских

рун типа $\otimes$, $\triangleright \triangleleft$ (с. 170–171). Уточнению чтения способствовали его выводы о наличии зеркальных рун и новом значении старых знаков, большая работа проделана автором и по установлению направления и последовательности строк, внимание к внутренней логике эпитафии часто заставляло принимать такое чтение, которое обеспечивало развитие описываемых в эпитафии событий.

Однако правильное истолкование рун, хотя это первейший и важнейший, но только начальный этап в филологической работе над древним письменным памятником, далее следует реконструкция целостного текста и его перевод. Поэтому автор по старой радловской тюркологической традиции дает восстановленный текст памятника сначала в оригинальном написании, используя специально подготовленный для компьютерного набора рунический алфавит (дизайнер – С.Г. Болотов), весьма приемлемый по дуктусу. В этом алфавите учтено большинство аллографов, встречающихся в енисейских памятниках, однако, как и в любом стандартном шрифте, здесь невозможно передать индивидуальный рисунок знака на конкретном памятнике. В этом случае читатель вынужден будет обратиться к факсимильному воспроизведению памятников в различных разрозненных изданиях и сводных атласах, хотя, как свидетельствуют разыскания И.В. Кормушина, в них достаточно пропусков и искажений в силу особенностей полиграфии прежних лет, когда приходилось выполнять ретуширование чертежей и рисунков; в рецензируемой книге автор оговаривает случаи неверного факсимильного воспроизведения в других изданиях, как и приблизительность применяемого им шрифта, восполняя его "негибкость" подробным словесным описанием структуры знака.

После воспроизведения текста в рунике дается его транслитерация по системе, сложившейся в тюркологии; автор вносит в нее некоторые уточнения с целью более последовательного соотношения "графема текста : знак транслитерации". Далее текст представлен в обобщенно-фонологической транскрипции, реализующей типовую фонологическую структуру тюркского вокализма и консонантизма, слова вообще. Автор здесь продолжает устойчивую традицию публикации рунического текста, предлагая свою фонологическую реконструкцию текста, а затем и его перевод без особых буквализмов и с минимумом внетекстовых конъектур.

Рассматривая выполненные автором переводы, хочется подчеркнуть их особую осмысленность и логичность, чего часто не

доставало предлагавшимся вариантам; это достигается глубоким проникновением в стилистику древнетюркского эпитафийного текста. В то же время переводы воспринимаются вполне "тюркологично", т.е. за ними чувствуется тюркский морфологический и синтаксический строй языка, что бывает, когда переводчик свободно владеет материей другого языка (такое же ощущение возникает, например, при чтении стихотворных переводов классической тюркской поэзии – "Кутадгу билиг", Навои, Бабур, – выполненных тюркологом С.Н. Ивановым).

Исследование памятника обычно завершается примечаниями, в которых комментируется процесс осмысления текста и приводятся обоснования той или иной его лингвистической интерпретации. Не приходится сомневаться, что грамматический комментарий выполнен на высоком лингвистическом уровне, поскольку автор своими работами давно зарекомендовал себя как хороший историк языка и компаративист широкого профиля в рамках алтайской языковой семьи. Конечно, частности, особенно при интерпретации древнего текста, могут вызывать споры и разночтения, но и здесь нужен уровень доказательств, сопоставимый с аргументами автора книги.

В данном разделе читатель видит немало и других интересных сведений, авторских находок или оригинальных предположений. Так, в очередной раз (и теперь, может быть, окончательно) снят вопрос о манихейском вероучителе *mar* (Е-2; с. 257), вокруг которого было много споров в среде историков. В то же время И.В. Кормушин привел иные доказательства принадлежности одного из мемориантов к манихейской конфессии: в памятнике с Алтын-Кёля (Е-29) фиксируется имя бога Зервана – $(\bar{A})zru(a)$, причем такой вывод подтверждает содержание фразы и всего текста, а кроме того, в графике эпитафии отмечаются показательные аналогии с восточно-туркестанской руникой (с. 63–74). Лишились историки и "народа Булсар" (Е-29; с. 73); в опубликованных И.В. Кормушиным текстах пока не отмечен и этноним *az*, с которым также связано немало исторических построений (вместо предполагаемого слова *az* в Е-100 читается трафаретное $j(i)ta$ – с. 250). Уточняя состав тамг и рассматривая их вариации внутри одного типа, имеющие основной рисунок и дополнительную к нему диакритику, автор высказывает предположение, что последняя отражала не поколение меморианта, как считалось (например, Л.Р. Кызласовым), а

его принадлежность к прямой или боковой ветви рода (с. 135–137); из этого можно сделать вывод, что рисунок тамги не может служить очевидной хронологической меткой памятника. Однако данная гипотеза автора нуждается в дальнейшей разработке и в увязке типов тамги с языковыми особенностями памятника. Как видно из этих нескольких примеров, разделы книги *Примечания* имеют свою ценность, поскольку они не замыкаются рамками только лингвистического комментирования лексем и словоформ текста.

Помимо всего, И.В. Кормушин в своей книге публикует первое прочтение трех эпиграфов, открытых в последнее время – из Шаньчи (Е-152), обнаружена автором, находится на месте сооружения (с. 149–150); две надписи из Эрбека (Е-147, Е-149), находятся в Тувинском музее (с. 252–256).

Как уже указывалось, книга по полиграфическому оформлению руники заслуживает высокой оценки, хорошо подается и лингвистический материал. Отметим наличие подробного Указателя слов с приведением их словоформ (с. 282–293). Огорчают встречающиеся иногда опечатки. Вызывает сожаление досадный повтор авторского текста (с. 193–196) из разных редакций книги, "съевший" комментарий к строкам 4–6 памятника из Уюк-Турана (Е-3).

Опубликованная монография И.В. Кормушина действительно свидетельствует о

том, что дальнейший прогресс в изучении и понимании сибирских рунических текстов возможен лишь на пути выявления закономерностей формирования вполне сложившегося жанра древнетюркских эпиграфов, то есть на том пути, по которому идет автор этой книги. Читателю представлена лишь часть выполненной работы, впереди прочтение других текстов и их текстологический анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев Д.Д. 1983 – Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
 Гумилев Л.Н. 1993 – Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.
 ИТСВ 1969 – История Тувы в Средние века. М., 1969.
 Кормушин И.В. 1975 – К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. 1975. № 2.
 Кызласов Л.Р. 1960 – Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская этнография. 1960. № 3.
 Малов С.Е. 1952 – Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.
 Малов С.Е. 1959 – Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

Д.М. Насилов

V.T. Kyalandzyga, M.D. Simonov. Dictionary of the Udihe language. Preprint / Published by A. Mayevicz. Stenshev, 1998. V. 1. 425 p.

1998 год оказался исключительно удачным для дела описания удэгейского языка, одного из языков тунгусо-маньчжурской группы. До последних лет единственным опубликованным монографическим исследованием удэгейского языка оставался "Удэisko-русский словарь" Е.Р. Шнейдера [Шнейдер 1936]. В 1998 г. появились сразу три монографии – публикация памятников удэгейского фольклора [ФУНТЕ 1998], монография И.В. Кормушина "Удэгейский язык", содержащая грамматический очерк, тексты и словарь [Кормушин 1998] и, наконец, рецензируемый первый том нового полного словаря удэгейского языка по данным хорского диалекта. Словарь (далее УС) был составлен М.Д. Симоновым в соавторстве с хорской удэгейкой В.Т. Кялундзюга, которая выступала основной информант-

кой, а также осуществляла самостоятельный сбор фольклорных и словарных материалов. Как отмечают авторы во введении, УС включает около 2900 лексем, причем 1414 из них вводятся в научный оборот впервые (не представлены в [ССТМЯ 1975–1977], являвшемся до настоящего времени наиболее полным сводом удэгейской лексики). Расширение объема словаря стало возможным благодаря многолетней полевой работе авторов, основная задача которой – целенаправленный сбор словарных и фольклорных материалов. Для сбора словарных материалов М.Д. Симонов широко использовал своеобразный лингвистический эксперимент, описанный во введении (с. 8): информантам предлагалось составить по три примера на обследованную лексику (по возможности отражающих традиционную